

Очевидно намерение авторского коллектива сделать текст огромной работы более легким для восприятия читателя. Но иногда беллетризованность фраз чрезмерна. Вот примеры: «Вместе с тем члены экипажа "Св. Петра" были глубоко верующими людьми, и воистину Господь хранил участников экспедиции под своим высоким покровительством» (т. I, с. 252) – это сказано о той экспедиции, во время которой погиб Беринг; «Богатый улов в первые дни марта заставил забыть об осторожности. Рыбаки наловили столько сельди, что перегруженная лодка перевернулась и пять человек утонули в холодных волнах Тихого океана» (т. II, с. 376) – трагедия случилась в заливе; «Остается только пожалеть, что как в прошлом, так и в настоящем русских женщин редко привлекали к руководству» (т. III, с. 375).

Несколько слов о том, что хотелось бы увидеть в работе. Особенно не достаёт, на мой взгляд, анализа роли Российской Америки в российской культуре и общественной мысли. Кроме того, можно было бы ознакомить читателя, узнавшего такую подробную и с любовью написанную историю русской колонии, с её дальнейшей судьбой. Место нашлось бы за счёт сокращения некоторых повторов и излишней детализации описания ряда событий (в частности, о гавайском эпизоде, о смерти Резанова и судьбе его невесты и др.).

Явно не хватает карт или одной большой, где можно было бы ясно рассмотреть маршруты сухопутных экспедиций, границы владений, ареалы расселения народов, места промыслов и поселений и т. д. Не плохо было бы приложить словарь специальных терминов, устаревших слов и др.

Но и без них этот огромный труд будет хорошим справочником для всех, кому интересна история России, история Америки, история колониализма и географических открытий. Его авторы, помимо Н.Н. Болховитинова – архимандрит Августин (Никитин), М.С. Альперович, Л.С. Блэк (США), Дж. Р. Гибсон (Канада), А.В. Гринев, А.А. Истомирин, Р.В. Макарова, А.Ю. Петров, Б.П. Полевой, Л.М. Троицкая, Т.С. Федорова.

Э.Г. Александренков

© 2001 г., ЭО, № 6

Чечня и Россия: общества и государства. Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Вып. 3. М., 1999. 428 с.

В рецензируемом сборнике опубликованы доклады российских, чеченских и западных исследователей, участвовавших в конференции «Чечня и Россия: общества и государства» (организаторы – Фонд Андрея Сахарова, Музей им. А. Сахарова, Сахаровский общественный центр «Мир, прогресс, права человека»), состоявшейся в Москве в декабре 1999 г. Научным руководителем указанной конференции был проф. Д.Е. Фурман, который выступил и в роли редактора-составителя сборника.

И выход в свет подобного труда, и проведение данной конференции в разгар новой чеченской войны⁴ представляются весьма актуальными. Положительно можно оценить и общую антивоенную, антимилитаристскую направленность сборника, подчеркнутый примат прав человека над ложно понятыми государственными ценностями и псевдоинтересами общества. Сочувствие и боль за трагедию чеченского народа, открытость и честность суждений, стремление постичь причины чеченской трагедии, наличествующие в ряде статей сборника, подкупают читателя.

Вместе с тем в ряде статей сборника ставятся и некие сверхзадачи, например убедить воюющие стороны перейти к переговорам и заключить мир, дать Чечне полную свободу или такую степень суверенитета (под международные гарантии), которая не позволит больше Российской Федерации развязывать на ее территории «предвыборные» войны или депортировать, полностью или частично, коренное население.

К сверхзадаче сборника, на наш взгляд, можно отнести и стремление утвердить в современных исторической, этнографической и политической науках тезис о социально-общественной «самобытности» (сиречь отсталости) чеченского народа, господстве в его среде средневековых религиозных и первобытно-родовых общественных институтов. Довольно сильна в ряде статей и тенденция, которая выглядит как некая теория «единого потока»: чеченцы, мол, как один выступили под руководством Дудаева за достижение свободы и независимости Чечни, а затем как один поднялись на войну с Россией. Даже самое название сборника

⁴ Настоящий отзыв был закончен в мае 2000 г.

преследует определенную политическую задачу: Чечня и Россия, де-юре и де-факто являющиеся субъектами одного государственного образования (Российской Федерации), разделяются не только на «государства», но и на «общества».

Несколько забегаю вперед, не могу не отметить и следующего. Читатель может не поверить, но в данном сборнике, посвященном, казалось бы, судьбам современной Чечни в контексте противостояния ее правящего режима с Россией, практически нет таких ключевых терминов, как «нефть», «нефтепроводы», «деньги», «оружие», «наркобизнес», «работорговля», «наёмничество», «терроризм», «олигархи», «КГБ», «ФСБ», «ЦРУ», «Турецкая Республика», «Азербайджан», «Грузия», «геополитическое положение», «дуга нестабильности», «зона национальных интересов США» и т.д.

Например, бывший министр экономики и финансов Ичкерии (нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей республики), выступивший в сборнике с программной статьей, ухитрился лишь однажды упомянуть нефть, да и то не чеченскую, а «тенгизскую» (Казахстан)!

Сборник открывает короткое программное предисловие, принадлежащее Е. Боннер, Д. Фурману и Ю. Самодурову. Они считают, что нынешняя война в Чечне бесперспективна, имеет тесную связь с предвыборной кампанией и ведет к усилению власти верхов над обществом. В то же время высказывается мнение, что Россия должна была оказать помощь «легитимному» президенту А. Масхадову «в борьбе с терроризмом». Правда, здесь, при всей приемлемости позиции отрицания новой русско-чеченской войны, одно остается под вопросом – разве Масхадов и не есть терроризм, работорговля, обнищание и разграбление?

Вводная статья Д. Фурмана «Самый трудный народ для России» отмечает наличие ряда сложностей, связанных с исследованием не только прошлого чеченского народа, но и его настоящего. Остаются без освещения многие вопросы, из которых почему-то главными автор счел фактор «системы ценностей» и социальной структуры чеченцев, причем системы и структуры, содержательно ориентированных на прошлое. Именно этот фактор, по мнению автора, и обусловил специфику взаимоотношений Чечни с Россией как в историческом прошлом, так и на современном этапе.

На взгляд автора, именно люди «низовых и маргинальных слоев» в Чечне с более «традиционалистской психологией, с их более спокойным отношением к смерти – чужой и своей, смогли возглавить общество и разбить российскую армию» в 1994–1996 гг. Как непосредственный участник и наблюдатель событий в Чечне в последнее десятилетие хочу засвидетельствовать, что к власти в Чечне в 1991 г. действительно пришли низовые маргинальные слои, но отнюдь не с «традиционалистской психологией». Это были люди «с обочины», мало знакомые с этическими ценностями собственного народа, люди без корней и определенных занятий, вращавшиеся в среде им подобных.

Настоящие чеченцы с традиционной психологией старались не вмешиваться в тяжбу за власть «коррумпированного парткрата» Д. Завгаева с «городским сумасшедшим» генералом Д. Дудаевым (с его «джохарбинами»), разгоревшуюся осенью 1991 г.

Другое важное обстоятельство в оценках событий в Чечне заключается в том, что только люди, не участвовавшие ни в одной революции и ни в одном заговоре с целью свержения существующего строя, могут говорить и писать о том, как какие-то социальные группы смели преграды и захватили государственную власть в «едином порыве». Так на практике не бывает. Любой переворот обеспечивается отнюдь не настроениями, традиционными устоями, спецификой, ориентацией на прошлое и т.д. Победа обеспечивается прежде всего организацией и деньгами. В условиях Чечни победа дудаевцев осенью 1991 г. была обеспечена прежде всего тем, что им передали святая святых: всю местную агентуру МВД, а затем и КГБ. Разумеется, это было сделано по приказу Москвы, а не в результате какого-то предательства. Новое российское руководство обеспечило тем самым переход власти в Чечне от враждебной «старой коммунистической номенклатуры» к «новым демократическим силам», с которыми, правда, тут же и рассорилось.

Прекрасно сказано Д. Фурманом об отсутствии мотивации действий, как об одной из причин слабости российской армии в Чечне в войне 1994–1996 гг. Да, российские солдаты так и не смогли уяснить в ходе первой чеченской войны, зачем они должны там умирать. Перед новой войной в Чечне в 1999 г. такая мотивация появилась: для этого потребовалось вторжение чечено-дагестанских ваххабитов с территории Ичкерии в Дагестан, а также взрывы многоквартирных домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске.

Мы вынуждены усомниться в справедливости высказывания Д. Фурмана, что «нормальные» и «интеллигентные» люди в Чечне не смогли бы оказать такого сопротивления федеральным войскам, какое оказали «малограмотные командиры» с «криминальным прошлым». Однако такие же нормальные люди – учителя,

врачи, инженеры, студенты, рабочие в 1947–1948 гг. в Израиле взяли в руки автоматы и разгромили многократно превосходившие их арабские силы. Дело не в этом. Чеченская интеллигенция середины 1990-х годов прекрасно понимала, что зло представлено не только российскими войсками, но и избравшими «путь Джохара». За возвращение продажной воровской власти народ воевать не хотел. Наоборот, он рассчитывал, что плохо ли, хорошо ли, но Россия освободит Чечню от гнета, поэтому чеченская интеллигенция не только не участвовала в войне с Россией, но и удерживала народ от участия в боевых действиях.

Чеченцы, вопреки мнению автора, были достаточно модернизированы, чтобы избрать в 1990-х годах цивилизованный путь развития и следовать ему. Но, чтобы изгнать криминал и создать соответствующую организацию для реализации модернизаторских усилий, нужны были деньги (инвестиции) и благоприятное отношение мирового сообщества. Последнее, как ни печально, хотело и хочет видеть в Чечне только Масхадовых и Басаевых, а не Хаджиевых и Бажаевых.

Статья профессора российской истории Университета Лойолы (США, Чикаго) М. Ходарковского «В королевстве кривых зеркал» имеет многозначительный подзаголовок: «Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.». Автор, по собственному утверждению, постарался показать здесь некоторые недостаточно изученные аспекты российской колонизаторской политики на Северном Кавказе и выявить ее качественные отличия, скажем, от политики восточных империй (Ирана и Турции), также проводивших здесь курс на захват региона. Вместе с тем в статье показан и отпор горцев российскому колониализму.

В статье М. Ходарковского вольно или невольно предпринята попытка занизить уровень социального развития чеченского народа: не упомянуты чеченские феодальные фамилии XVI–XVIII вв., ведется бездоказательная пикировка по этому вопросу с советскими учеными. Так, автор отмечает (с. 37, сноска 8) по поводу сборника статей «Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XIX–XX вв.)» (Грозный, 1978), что, «пытаясь представить чеченское общество как социально более развитое, советские ученые отрицали существование "родового строя" у чеченцев и настаивали на том, что их общество было феодальным и имело сословия». Можно, конечно, не согласиться с оценками «советских» (по существу чеченских и ингушских) авторов этого сборника. Но как быть с документами, которые они приводят: о развитии феодальных отношений в Чечне, о наличии частной собственности, об отсутствии родовой собственности вообще. Тем интереснее было бы узнать, как понимает М. Ходарковский термин «родовой строй».

Указанные замечания не умаляют того обстоятельства, что автором создана интересная, научно значимая работа. В частности, немало интересного на страницах, посвященных истории взаимоотношений Чечни с Россией и колониальной политике царизма на Кавказе в целом и в Чечне в XVI–XVIII вв. Достоинно сожаления, что автор не использовал основные работы чеченских историков, прямо отвечающие тематике его исследования.

К рассмотренной выше статье близка работа чеченского историка, заведующего кафедрой Чеченского государственного университета Ш. Гапурова «Методы колониальной политики царизма в Чечне в первой половине XIX века», из 12 страниц которой практически треть относится к истории русско-чеченских отношений в XVI–XVIII вв.. Это позволяет говорить о неточности хронологических рамок, указанных в заглавии.

В целом данная статья Ш. Гапурова в различных вариациях неоднократно тиражировалась и ранее и поэтому не представляет особого интереса. Но одно странное обстоятельство никак нельзя обойти молчанием. Говоря о политике России в Чечне и на Кавказе в XVI–XIX вв., автор ухитрился ни разу не сослаться на своих предшественников, таких как Е.Н. Кушева, Т.А. Исаева, Ш.Б. Ахмадов, Я.З. Ахмадов (я уже не говорю о Н.А. Смирнове, В.Г. Гаджиеве, Х.-М. Ибрагимбеи, Т.Х. Кумыкове, М. Гаммере и др.). Видимо, Ш. Гапурову пришлось приложить невероятные усилия, чтобы обойти указанных авторов молчанием. Между тем можно было бы смело воспользоваться если не выводами, то фактологией их трудов, тем более что почти все они, в отличие от Ш. Гапурова, работали непосредственно с архивными источниками.

Главное достоинство данной статьи, на наш взгляд, заключается в попытке анализа интереснейшего документа – это рескрипт Павла I на имя генерала Гудовича от 5 января 1797 г., который историками упоминался, затрагивался, но по существу специально не анализировался. Между тем в этом документе ставился ни много ни мало вопрос о создании федеративного государства из кавказских земель под эгидой российского императора.

Большая статья «Ислам в Чечне до российского завоевания» принадлежит сотруднику Школы изучения стран Азии и Африки при Лондонском университете А. Зелькиной. Арабист и исламовед, автор смогла

квалифицированно исследовать данную проблему, используя большой круг специальной литературы, а также чеченские предания и легенды. Хронологические рамки статьи – от средневековья до 1859 г. (когда пал имамат Шамиля – теократическое национальное государство горцев Чечни и Дагестана).

Автор последовательно рассмотрела проблемы доисламских языческих верований, традиционную правовую систему вайнахов и мусульманское право, суфийские течения, в частности накшбандийя, институты теократического государства и др. Все это исследуется через призму взаимосвязи подъема религиозности чеченцев с колониальной политикой царских верхов России.

Установочный характер носит статья этнолога Я. Чеснова. В Чечне и за ее пределами ученый известен как автор целого ряда публикаций, посвященных особенностям традиционного менталитета чеченского народа. Я. Чеснов не раз бывал в Чечне, сотрудничал с такими видными местными этнографами, как И. Саидов, А. Сулейманов и С.-М. Хасиев.

Автор рассматривает следующие вопросы: название и самоназвание чеченцев, деление их на равнинных и горных, «тейповая» и «тукумная» организации, семейные отношения, влияние ислама на развитие структуры общества, этнический менталитет, социальные институты и тип личности, особенности взаимосвязей Чечни и России и др. К статье приложен материал, озаглавленный «Характеристика некоторых чеченских тейпов», представляющий самостоятельный интерес.

По сути в труде Я. Чеснова перед нами предстает определенная этнологическая схема для остальных народов, насыщенная специально подобранным «чеченским» материалом. Ясное дело, что таких ученых в любом народе интересуют общественные реликты, пережиточные формы, национальные особенности и т.д. – все то, что составляет хлеб этнографической науки. Но можно ли подчинять современный, модернизированный временем и рыночной экономикой чеченский народ каким-то схемам, резко занижать уровень его социально-общественного развития, сводя его чуть ли не к родовому строю. В результате работа Я. Чеснова приобретает политический характер. То чеченское общество, которое видит читатель на страницах статьи, – абстракция, умозрительный образ, ничего общего с реальностью не имеющий.

Привлекают внимание некоторые повторяющиеся утверждения Я. Чеснова о близости чеченского чеберлоевского диалекта ингушскому языку, хотя в действительности они наиболее удалены друг от друга как географически, так и лексически. Весьма странными представляются предположения о «женских одеждах» имама Мансура как проявления шаманства с «травестизмом религиозного толка» (!). И это говорится о Чечне конца XVIII в., изживающей уже элементы не родового, а феодального общества!

В действительности, дабы поразить религиозно-экстатическую массу своих современников, Мансур надевал длинный белый балахон и носил на лице маску, этому подражали и несколько десятков человек из его окружения. Объяснялось это указанием пророка Мухаммеда, данного якобы во сне Мансуру, не показывать своего лица до «определенного часа».

Статья С.-А. Исаева «Крестьянство и социально-экономическое развитие Чечни в XVIII – середине XIX века» посвящена весьма значимой проблеме. Отмечая, что чеченское общество исследуемого периода нельзя считать родоплеменным и «доклассовым, так как в древности и средневековье здесь были государственные и протогосударственные образования», он в то же время неожиданно говорит, что «черты феодализма в Чечне значительно ярче выражены в XVI–XVII вв., чем в XVIII в...». Однако собственно документальный массив о Чечне и чеченцах XVII–XVIII вв., отложившийся в российских архивах, противоречит сказанному. Чтобы развить подобный тезис, С.-А. Исаеву пришлось тщательно обойти работы Ш.Б. Ахмадова и Я.З. Ахмадова, специально посвященные развитию социальных отношений в Чечне в XVIII в.

Автор, как до него и М. Ходарковский, совершенно не затронул вопрос о Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. Его история такова: в середине XVII в. в равнинной Чечне оседают потомки Черного князя (владельца дагестанского общества Гумбет), князя Турловы, которые к началу XVIII в. полностью очеченились. Они-то и закладывают основы «Чеченского владения» (княжества). К 40-м годам XVIII в. Чеченское княжество распалось на уделы, но, в противовес дроблению, появился институт «старшего» князя. Именно в Чеченском владении жила основная масса равнинного населения страны. Чеченские князья теряют свою власть в плоскостной части страны в конце XVIII в. в результате движения имама Мансура и перемещаются в надтеречные районы Чечни, где они основали «княжеские» аулы.

Кроме Турловых в роли правителей некоторых обществ и аулов выступали кумыкские или кабардинские князья, получавшие за свою деятельность феодальную ренту – ясак.

Отсюда следует, что из-за замалчивания С.-А. Исаевым работ своих коллег пострадали и наука, и читатель, который получит представления о социальном строе Чечни в XVIII – первой половине XIX в., соответствующие позавчерашнему состоянию изученности проблемы.

Весьма интересна, как по замыслу, так и по исполнению, статья Э. Хамидовой – «Борьба за язык (проблемы становления и развития чеченского языка)». Автор справедливо отмечает, что «единая территория расселения, культурные и хозяйственные связи, генетическая близость вайнахских обществ, постепенное закрепление ислама, антифеодалная и антиколониальная борьба стали консолидирующими факторами в становлении чеченского народа, способствовали зарождению и развитию общего для всех национального языка устного общения, который вобрал в себя элементы разных диалектов».

По существу мы имеем перед собой работу, сочетающую исследование проблем чеченского языка, истории с изучением политики советской власти в области науки и культуры. Завершает статью рассказ о попытке введения новыми чеченскими властями (Д. Дудаев) латинской графики (вместо кириллицы) и о современной безрадостной ситуации в области культуры Чечни.

Автор справедливо отмечает негативное влияние военных действий, происходивших на территории Чечни, на развитие культуры и языка чеченцев, однако почему-то не говорит, что ни Дудаев, ни Масхадов, ни их приспешники не были заинтересованы в развитии национальной культуры. При Масхадове перестала выходить даже общенациональная газета на чеченском языке (из-за отсутствия финансирования), под видом исламизации фактически шла арабизация школы и культуры, происходили гонения на вузы как на расадники свободной мысли, на представителей национальной интеллигенции. Было запрещено преподавание философии, но зато были введены религиозные дисциплины и т.д.

Стержневой работой рецензируемого сборника нам представляется статья Д. Гакаева «Путь к чеченской революции». Здесь дан анализ политической жизни Чечни последнего десятилетия, обрисованы партии, движения и программы, раскрыты причины падения Д. Завгаева – главы республики, и прихода к власти в 1991 г. радикально-националистической организации ОКЧН во главе с генералом Д. Дудаевым. По существу это история «чеченской революции» 1991 г. с предысторией, завязкой, интригой и развязкой. Автор доходчиво разъяснил, как чеченские «Ленины» и «Робеспьеры» победили чеченских «Мирабо» и «Милюковых», как Чечня и Россия устремились по пути, приведшему их к войне.

Однако автор не раскрыл, что у «чеченской революции» помимо явного политического аспекта был еще и тайный экономический подтекст. Схватка осенью 1991 г. в Чечне была прежде всего борьбой за передел власти и сфер влияния в республике, а главное – борьбой за легко реализуемую на зарубежных рынках грозненскую нефть, за мощную базу нефтепереработки и за нефтепровод, ведущий к черноморским терминалам. Приз победителя мог составить 5-6 млрд. долларов чистого дохода в год. Кроме того, шла борьба и за расположенные в Чечне склады Северо-Кавказского военного округа, оружие с которых можно было легко сбыть в ту же Армению и Азербайджан. Но для изучения этого подтекста нужен скорее прокурор, а не политолог.

Следующая статья сборника принадлежит Т. Абубакарову, бывшему министру экономики и финансов Ичкерии. Она называется «Между авторитарностью и анархией (политические дилеммы президента Дудаева)», хотя уместнее, учитывая род занятий автора в 1990-е годы и его видное участие в разграблении Чеченской республики, смотрелось бы название «Как мы вместе с Дудаевым высосали кровь из этого глупого чеченского народа».

Автор, обличая национальную политику России в прошлом, настоящем и даже в будущем, на третьей странице текста сформулировал наконец свои задачи: «анализ того, в каких социально-экономических условиях и с чем пришел Дудаев к власти, каким метаморфозам подверглись его планы и намерения в процессе работы над достижением независимости». Но у Дудаева была и сверхзадача, о которой автор вообще не упоминает – это тотальное разграбление Чечни, прежде всего ее сырьевых богатств, кража бюджетных доходов, продажа оружия, наркобизнес и др. Недаром один английский документальный фильм о Д. Дудаеве так и называется – «Вор нации». Непосредственное участие в этой «работе» первого чеченского президента принимал и министр экономики и финансов Т. Абубакаров. Видимо, именно поэтому он тщательно обходит в своей статье такие «горячие» слова, как «нефть», «бензин», «деньги», «валюта», «банк», «наркотики», «оружие» и др.

Второй момент, которому, вопреки им самим же объявленным задачам, Т. Абубакаров посвятил не одну страницу статьи, это борьба Дудаева с демократической оппозицией в Чечне. Автор открыто оправдывает карательные походы дудаевцев (их было 11) на чеченские села и города, отказывавшиеся подчиняться фашиствующему диктатору. В этих боях погибло до 1,5 тысяч чел. с обеих сторон, тысячи людей были ранены. Чеченские народные ополченцы в 1994 г. не раз громили банды Басаева и Масхадова, Арсанукаева и Гелаева (которые, кстати, оплачивались автором данной статьи из бюджетных доходов и поступлений, как ни парадоксально, денежной массы из России).

На месте устроителей конференции следовало бы, конечно, задуматься над тем обстоятельством, что Т. Абубакаров (вместо того чтобы решать научную проблему) недвусмысленно пытается очернить живых и оскорбить мертвых, тех, кто боролся против ичкерийского режима.

Работа Г. Дерлугьяна, замдиректора Центра международных и сравнительных исследований Северо-Западного университета (Чикаго, США) «Чеченская революция и чеченская история» – это, по словам автора, попытка показать, «как в событиях, ведших к чеченской революции, переплелось общесоветское и то, что связано с уникальностью чеченской культуры и исторического опыта».

Примерно треть статьи посвящена историческому прошлому чеченского народа, начиная с глубокой древности и до начала перестройки. Это достаточно интересное, хотя и не с точки зрения исторической науки, чтение, но большего мы вряд ли могли ожидать. Ведь до сего дня обобщающей, академической «Истории Чечни» нет и в помине. За годы советской власти все государствообразующие нации СССР успели дважды, а то и трижды опубликовать академические издания своих «Историй...». И только Чечено-Ингушетия ограничилась двухтомными «Очерками...» (1967 и 1972 гг.).

Собственно чеченских историков, написавших немало крупных работ, автор не знает, сводной «Истории Чечни» нет. Отсюда, как нам представляется, идет примитивизация Г. Дерлугьяном картины общественного развития чеченцев, отнесение чеченского общества к эпохе «военной демократии», поиск параллелей для современного чеченского общества в древней Греции и Риме и т.д. Что и говорить, каждый сегодня волен трактовать сложнейшие вопросы исторического прошлого чеченцев в меру своей профессиональной подготовки и политической ориентированности. Но вместе с тем в строках статьи Г. Дерлугьяна, посвященных Кавказской войне, мы наткнулись на великолепный афоризм – «Применение регулярной армии против населения неизбежно ведет к геноциду». Этот афоризм достоин того, чтобы его специально отметить.

Только незнанием чеченской народной психологии можно объяснить, на наш взгляд, суждение, высказанное Г. Дерлугьяном (с. 205) о том, что в 1991 г. «Кунтахаджинский зикр стал для Чечни тем же механизмом мобилизации национального протеста, каким в Прибалтике было хоровое пение». Дело в том, что истинные кунтахаджинцы никогда не делали из зикра театрального представления, для громкого зикра есть положенные ситуации и дни. Ни один истинный мюрид Кунта-Хаджи не выйдет исполнять зикр на нечистое место, поэтому люди, бегающие перед видеокамерами на загаженных площадях Грозного, вызывали стойкое отвращение и у кунтахаджинцев, и в целом у народа как пародирующие священный зикр. В действительности этот «обряд» вывели на улицы Грозного «революционеры» типа Дудаева и Удугова.

К сожалению, Г. Дерлугьян не обратился к материалам о модернизации Чечни и ее общества в период бурного развития капитализма в России во второй половине XIX – начале XX в., в период индустриализации и культурной революции 30-х годов XX в. Автор также не учел, каким тяжелым катком прошла советская власть за 70 с лишним лет своего существования по традиционному общественному и религиозному сознанию чеченцев, поэтому, когда Г. Дерлугьян или какой-либо другой автор пытается объяснить «чеченскую революцию» и сопротивление чеченцев России их историческим прошлым и пережитками «родового строя», все эти объяснения, на мой взгляд, носят искусственный характер. Да и сам Г. Дерлугьян отмечает: «Без организации чеченская революция так и осталась бы народным карнавалом» (с. 215). Роль организаторов он навязывает теневикам и мафиози. Однако их роль не стоит преувеличивать. Среди «официальных» богатеев и отставленных Завгаевым управленцев было немало групп, дававших деньги «босьякам» для свержения Завгаева. И мафия в лице чеченских бандитских группировок в Москве и в других городах России пыталась воспользоваться «карнавалом» в Чечне и продвинуть его в наиболее радикальном направлении. Но главную роль в организации массового движения в Чечне сыграл все-таки переданный Д. Дудаеву корпус осведомителей; это и был «организованный авангард революции» (куда еще можно включить уголовные и полууголовные элементы в Чечне, видевшие в «революции» средство добиться «свободы» от российского прокурора и «имперской» пенитенциарной системы).

Весьма спорными представляются страницы статьи Г. Дерлугьяна, посвященные пику «революции» в Чечне и ее «герою» Д. Дудаеву. С одной стороны, можно согласиться с утверждением автора, что роль Дудаева не только на начальном этапе, но и в последующем была «символической». Но, с другой стороны, его роль была определяющей и решающей в деле тотального разграбления богатств республики и в разработке политики, приведшей к обнищанию чеченского народа. Для таких людей, как Дудаев, нужны были близкие социальные типы – нищие, маргиналы, люмпены и преступники.

Статья «Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов)» чеченского исследователя З. Берсановой содержит данные об анкетировании горных и равнинных, сельских и городских разновозраст-

ных групп населения последовательно в 1990, 1992 и 1995 гг. В целом эти материалы показывают, как «революция» и война меняли представления чеченцев о добре и зле.

Признавая объективную ценность приводимых З. Берсановой данных, следует указать, что с ними ею проделана лишь самая предварительная аналитическая работа.

Особо остановимся на одном вызывающем выводе автора. Она пишет: «Те, для кого духовные ценности (Родина, независимость, честь) не были на первом плане, поспешили уехать из Чечни. Наоборот, в это же время приезжали и для участия в военных действиях и вообще для того, чтобы в трудный час быть со своим народом и со своими близкими, многие представители диаспоры» (имеется в виду военное время 1994–1996 гг.). Между тем многие уезжали из Чечни не только во время войны, но и до нее, и после нее, потому что усилиями режима Дудаева для истинных чеченцев Чечня стала злой мачехой. Уезжали также для того, чтобы не участвовать в грязной «коммерческой» войне федералов и дудаевцев, уезжали, чтобы спасти от бомб своих детей, уезжали потому, что не могли выдержать страшной атмосферы войны и насилия.

В то же время приезжали в Чечню сильные духом люди, чтобы спасти людей, вытаскивать их из развалин, чтобы накормить и обогреть обездоленных сограждан. Это, например, Саламбек Хаджиев. Благодаря ему и таким, как он, Чечня и чеченский народ стали подниматься с колен. Приезжали и «добрые чеченские молодцы» с пропусками спецслужб и оставались здесь воевать. Что они доброго принесли в республику, З. Берсановой виднее.

Яркий пример бережного отношения к истине, сочувствия к бедам своего народа и боли за его страдания – статья З. Альтамировой, посвященная тому, как пытались выжить чеченцы в суровых условиях «суверенной, независимой, исламской» Ичкерии в 1996–1999 гг. Тяжелый материал оставляет у читателя тяжелые впечатления. Перед нами предстает беспросветная жизнь простых людей. Автор показывает, как распадаются традиционные пласты, составлявшие стержень общества, дисквалифицируются учителя, врачи и инженеры, «пропадают» люди искусства, писатели и поэты. Разрушена система образования и система медицинского обслуживания. Страшно положение детей, выброшенных нуждой на улицы городов и сел.

Упадок Чеченского государства как такового и его отказ от выполнения социальных функций привел к хищнической вырубке лесов на отопление, к кустарной переработке нефти со страшными последствиями для экологии, к разведению плантаций наркосодержащих растений и наркоторговле, огромному росту преступлений, связанных с кражами частного имущества.

К статье приложены данные социологических опросов чеченского населения, говорящие о том, что только от 2 до 7% трудоспособного населения (в разных возрастных группах) живут за счет государственной зарплаты, от 30 до 40% – за счет мелочной торговли, от 9 до 14% перебиваются случайными заработками и т.д. Все это представляет значительный интерес, особенно в плане опровержения теории «единого потока».

Обращаясь теперь к большой программной статье А. Ливена, главного редактора лондонского журнала «Strategical Comments», озаглавленной «Война в Чечне и упадок российского могущества», следует заметить, что она отражает и в то же время аккумулирует наиболее типичные (хотя и не всегда верные) взгляды западной политической школы на уровень развития чеченского общества, на историю Чечни, на современное состояние русско-чеченских отношений. Это, однако, нисколько не умаляет исследовательских достижений автора и высокой оценки его профессиональных качеств.

Статья открывается следующим утверждением: «В основе чеченской войны – эпохальное по своему значению столкновение между двумя очень разными нациями, олицетворяющими силы, борьба между которыми продолжается с начала человеческой истории; русскими, издавна идентифицировавшими себя с серией созданных ими бюрократических государств, и чеченцами, у которых едва ли было какое-либо государство за всю их историю, и чьи поразительные боевые качества произрастают не из государственной организации, а из особой этнической традиции».

Здесь все правильно с точностью до наоборот. Во-первых, чеченская война 1994–1996 гг. была первой мафиозной войной в РФ, но не между нациями, а между группами и кланами, сюда же были примешаны интересы некоторых государств, в том числе являющихся членами НАТО, а также интересы псевдоисламских радикальных организаций. В Чечне эта война изначально не была популярна. Народ как таковой в нее так и не вступил, ему был отвратителен режим «кзу эдал» (воровская власть) Дудаева.

В первой «чеченской войне» полевые командиры и министры Дудаева раскатывали по Чечне в «Джипах» и «Мерседесах», снабженные всеми возможными пропусками, а то и под охраной спецслужб. Да, воевавшие в окопах одна-две тысячи боевиков были действительно чеченцами, но не из «традиционных», а из низовых

сельских и городских семей, для которых война и охранная служба стали единственной возможностью сделать карьеру. К этим «кадровым» боевикам спорадически присоединялось до трех-четырёх тыс. чел.

Это были не только «лишние» люди (безработная и неучащаяся молодежь, прилатненные и уголовные типы, наркоманы и психически неустойчивые личности). Среди них было немало людей, мстивших за гибель своих родных, восставших против жестокого насилия «федералов», люди, взявшиеся за оружие из религиозных и патристических побуждений.

Дело не в том, что чеченский народ не хотел суверенитета и независимости. Дело в том, что чеченский народ не хотел быть независимым от России и одновременно быть зависимым от преступной дудаевской верхушки, оправдывавшей свое существование «борьбой за свободу и независимость Чечни».

А. Ливен построил свое исследование по заранее заданному плану, выхватывая из реальной ситуации российско-чеченских отношений, а также из реального положения Чечни и России в 1990-х годах лишь те факты и оценки, которые подтверждали упомянутые им словосочетания. Достаточно их простого перечисления, чтобы понять: у автора очень своеобразное видение проблемы («стареющее, уставшее население России», «слабость русского национализма», «зависимость от империи», «воинственноанархическое общество», «воины-варвары», «эгалитаризм воинов: тейп, вирд, адат», «анархия и автократия», «бандитская традиция», «чеченская мафия» и т.д.).

У непосредственных наблюдателей процессов, происходивших в Чечне в 1990-е годы, да и у ряда других профессиональных исследователей (см. статьи Д. Гакаева и Л. Вахаева в данном сборнике), о характере «чеченской революции» кардинально другая точка зрения. Чечня была грубо и цинично завоевана чуждым чеченскому обществу, как традиционной, так и модернизированной его части, маргинальным и криминальным элементом при мощной поддержке определенных властных групп в РФ.

Стремление А. Ливена представить чеченский народ как нечто единое, сплоченное историей, религией, традициями (в том числе бандитскими), как народ, одержавший «великую победу» над Россией, – это не просто новый миф, это навязывание целому народу определенной идеологизированной модели поведения. Автору следовало бы помнить две вещи: 1) российской армии, чтобы потерпеть поражение в Чечне в 1994–1996 гг., необязательно нужен был противник; 2) собственно чеченский народ стал жертвой вооруженного чеченского «социального отребья», преступной политики российского руководства и олигархов, а также политики подливания бензина в огонь рядом восточных и западных стран. Такая схема рассмотрения поднятых в статье А. Ливена проблем представляется нам более реалистичной.

В российско-чеченской войне 1994–1996 гг. столкнулись не «два совершенно разных культурных и социальных мира», как полагает А. Ливен, но две крайности – экстремизм государственно-мафиозный и бандитский, национально-радикальный. Между ними, как между молотом и наковальней, оказался собственно чеченский народ.

Публикация Ю. Зараховича «Чеченская война глазами журналистов американских изданий (1993–1996 гг.)» не претендует на исследование. Это вольный взгляд вольного журналиста, по-своему интересный и по-своему неточный. Чего стоит такая фраза: «Обычно вайнахских мальчиков обучают обращению с оружием, пожарами и топорами с колыбели» (!). И вовсе не было в Чечне «народного восстания», как утверждает автор, даже в самый пик этой безумной войны 1994–1996 гг., и именно по той причине, что режим Дудаева для народа был морально изжит как ничтожный и воровской. В конце концов Дудаев, изначально ставший препятствием для мало-мальски рациональной политики руководящей группы чеченских полевых командиров, был, судя по всему, ими же и уничтожен.

Масхадов действительно был избран народом, но по той причине, что альтернативы не было; кроме того, многие рассчитывали, что именно он сумеет договориться с Россией и наведет порядок в Чечне с помощью своих «бойцов сопротивления». Что сделали эти «бойцы» с Чечней и ее народом за три «мирных года» (1996–1999), видно наглядно: ограбленная, разоренная, униженная Чечня вновь вовлечена в войну с Россией, в том числе и по заказу тех групп в Москве, которые наметили определенный политический сценарий и лоббировали его. Но об этом журналисты молчат. Так же, как молчат собственно и о «народе». Его нет в репортажах, зато есть боевики и безграмотные женщины, митингующие, держа в руках лозунги на английском языке.

Особняком в рецензируемом сборнике стоит статья Л. Вахаева «Политические фантазии в современной Чеченской республике», цель которой – изучение самой тонкой материи в современном политическом мире Чечни – действующих мифов, фантазий, дозволенных вариаций национальной идеи. Исполнено это, на наш взгляд, блестяще. Автор великолепно высветил внутреннее идейное состояние разношерстного отряда победителей – тех, кто «отвоевал Чечню у России в войне 1994–1996 гг». Здесь и фашизм, и просто

национал-эстремизм, проекты тейповой республики и шариатского правления и т.д. Содержание работы Л. Вахаева показывает, что Чечней владели откровенно антинациональные, антиисламские, антитрадиционные силы (вопреки мнению десятка авторов данного сборника). Эти силы даже формально не ставили целью строительство и развитие цивилизованного, правового государства.

Политические фантазии тех, кто стал у власти в Ичкерии, были далеко не безобидны, утверждает автор. Под видом поиска новых государственных форм шло бешеное соревнование по ограблению республики и ее народа. Сметались с лица земли заводы (на металлолом!), заражались целые районы отходами самодельной нефтепереработки, вырубался лес, проедались остатки государственного скота, расхищались скромные бюджетные средства, грабили и прямо и косвенно простой народ. И все это под фанфары политических фантазий националистического и псевдоисламского толка.

Статья Л. Турпалова «Средства массовой информации Чеченской республики в условиях российско-чеченского противостояния» (автор – профессиональный журналист и университетский преподаватель) производит двойственное впечатление. С одной стороны, такая статья нужна, – подвести какой-то итог развитию чеченских СМИ необходимо. Несмотря на малые размеры и небольшую численность населения, Чечня 1990-х годов отличалась бурной политической жизнью, в том числе выпуском большого числа периодических изданий. С другой стороны, настаивают в статье необъяснимые лакуны и слишком пространные, хотя и вполне объективные, характеристики одной из газет – «Грозненский рабочий» (где, как оказывается, и работал автор).

Вызывают вопросы утверждения Л. Турпалова об «относительном плюрализме» в средствах массовой информации Чечни в 1993–1994 гг. Начиная с 4 июня 1993 г., когда генерал Дудаев совершил государственный переворот (распустив парламент, расстреляв Городское собрание Грозного и разогнав митинг демократической оппозиции на Театральной площади), начались серьезные гонения на СМИ. Так, подвергался преследованиям Х. Тухашев, директор «5-го канала» (частная телекомпания), закрылся коммерческий телеканал «НТВ» С. Дибиева, была разгромлена охранкой Д. Дудаева редакция оппозиционной газеты «Справедливость» с конфискацией всего оборудования; опасаясь того же, спешно эвакуировалась редакция другой оппозиционной газеты – «Импульс». Из-за отсутствия финансирования государством закрылись молодежная республиканская газета «Республика» и единственная официальная газета на чеченском языке – «Даймохк», перестали выходить (из-за преднамеренного прекращения финансирования) журналы на чеченском языке «Орга», «Стелаад» и др. Вина последних была лишь в том, что они пытались избежать панегирических восхвалений правящей верхушки.

К сожалению, автор так и не назвал вещи своими именами – а ведь в Чечне в период правления боевиков (1996–1999 гг.) выходили газеты откровенно фашистские и расистские (с ключевыми словами «раса», «кровь»), откровенно радикально-псевдоисламские (пропаганда «ваххабизма», а точнее религиозно-сектантского экстремизма) и т.д.

А.-Х. Султыгов, автор статьи «Правовые проблемы чеченского национально-государственного самоопределения», директор частного Института гуманитарно-политических технологий им. А. Авторханова, давно и успешно работает над изучением политических и правовых проблем молодой Чеченской Республики. Охарактеризовав историю правового оформления пребывания Чечни в составе РФ и поисков на современном этапе приемлемого договора между Чечней и Россией, он отмечает следующее: «Можно пытаться любыми путями добиться логической четкости и определенности, что в подобных случаях чаще всего приводит к тому, что логические операции превращаются в военные...».

После интересного анализа российско-чеченских отношений в 1990–1991 гг., в период суверенизации республики, А.-Х. Султыгов делает вывод: «Мы видели, что чеченский кризис возникает и превращается в российско-чеченскую войну в результате серии противоправных действий и со стороны чеченских революционных властей, и со стороны российской власти... Россия заключает соглашение о выводе войск с территории, которую она считает своей, и передачу вооружения войскам, которые она считает незаконными вооруженными формированиями... Это систематическое игнорирование российскими властями в отношениях с Чечней какой бы то ни было законности, разрушение ими того самого конституционного порядка, восстановить который, якобы, должно было вторжение в Чечню войск, на мой взгляд, главный источник чеченского кризиса».

Нельзя, конечно, не согласиться с логической посылкой автора – она звучит убедительно. Но неискушенный читатель может подумать, что вся причина российско-чеченского конфликта – в правовой неурядице. На мой взгляд, А.-Х. Султыгов подводит читателя к такому выводу вследствие особенностей избранного им жанра. Действительно, надо было рассмотреть этот «сюжет» и в чисто правовом ключе. Но

истинные причины российско-чеченских коллизий заключаются не в неразрешимом столкновении народов и государств на «правовом поле», а в преступных по сути своей действиях групп и целых сообществ (и в Чечне, и в России, и за рубежом). В основе конфликта лежала борьба за передел собственности, за сферы интересов и т.д.

Можно было бы согласиться с идеей А.-Х. Султыгова о международных гарантиях для Чечни, если бы речь шла о подлинной власти – выразительнице интересов народа, а не о бандитах у власти. На международное участие в чеченском вопросе можно пойти только в одном случае: миротворческие войска занимают всю Чечню, сажают в тюрьмы всех бандитов и проводят, под эгидой международного сообщества, свободные выборы. В противном случае мы получим суверенную республику Масхадовых, Яндарбиевых, Басаевых, Хаттабов, Радуевых и иже с ними. И это будет «свободная республика» работоторговцев и рабов. Вряд ли нормальный человек с правовым типом сознания согласится жить в такой стране.

К рассмотренной выше статье А.-Х. Султыгова тематически примыкает статья профессора сравнительного законовещения и международного права Университета Лапландии С. Нистен-Хаарала. Судя по всему, в Лапландии, в суровом финском заполярье, внимательно читают удуговские издания, ибо статья начинается со строк, более уместных для какого-нибудь ичкерийского официоза: «Борьба чеченского народа за независимость и международная реакция на нее являются одним из наиболее ярких примеров несовпадения требований морали, принципов международного права и интересов ведущих мировых держав». По словам автора, чеченцам удалось нанести поражение российской армии, многократно превосходящей их и численно, и вооружением, и добиться фактической независимости.

Да, российская армия вышла из Чечни в августе 1996 г., но не в результате военного поражения, а вследствие сговора неких властных групп РФ (естественно, с согласия Б.Н. Ельцина) с верхушкой боевиков. «Поражение» российской армии в Чечне носило весьма условный характер.

Мы уже имели возможность публично говорить, что успешная вооруженная борьба чеченского народа против дудаевского режима в 1993–1994 гг. была прервана вторжением российских войск. Имитируя вооруженное сопротивление (жертвами которого стали непосредственно российские солдаты и чеченские ополченцы), и российская, и дудаевско-масаховская стороны нанесли тяжелые удары прежде всего по чеченскому народу.

Вместе с тем первые страницы работы С. Нистен-Хаарала по своему содержанию (краткая политическая история Чечни начиная с эпохи Шамиля) вполне точны. Неверна только оценка новейшего периода в истории чеченцев: так, война не сплотила чеченцев вокруг Дудаева, а скорее наоборот. Если кто и пошел за ним, то только маргинальные слои деревни и города, в том числе массы молодых людей, гонимых наркотическим голодом. Были, конечно, десятки и сотни мстителей за своих родных и близких, убитых федералами в ходе войны. Но они не были сторонниками Д. Дудаева.

Далее автор рассматривает принцип самоопределения в международном праве и пытается найти правовые основания для достижения Чечней независимости де-юре. Автор напрасно тратит время на эти штудии: всего-то надо найти страну, которая даст Чечне деньги на проживание и воспроизводство, даст работу, свет, газ, топливо, окажет помощь в ликвидации преступности. В этом случае чеченское общество будет ставить вопрос о выходе из состава РФ. Но единственной страной, готовой предоставить Чечне вышеперечисленное, является... Российская Федерация.

Без наличия альтернативного России системообразующего центра на Кавказе борьба Чечни с Кремлем, к которой объективно призывают некоторые авторы сборника, станет коллективным, общенародным суицидом. Почему этот суицид авансом получает одобрение на Западе, тоже понятно – у Запада нормальные национальные интересы, не совпадающие с национальными интересами России, а тем более Чечни.

Можно было бы согласиться, хотя и по другим мотивам, чем у автора, на международное посредничество и международную помощь в разрешении чеченской проблемы. Дело в том, что уже 10 лет продолжается истребление чеченского этноса, а великие державы, постоянные члены Совета безопасности (в том числе Россия, на чьей территории происходят массовые преступления), не выполняют своего долга. Реального международного вмешательства собственно в интересах чеченского народа мы не видим. Международные инициативы сводятся к требованиям прекращения массированных огневых ударов, что дало бы положительный результат, и к требованиям переговоров России с «официальными чеченскими властями», т.е. с Масхадовым и Басаевым, что совершенно недопустимо.

К сожалению, не все могут или не хотят понять, что сегодня источник конфликта в Чечне – не вопрос о ее статусе, а «ичкерийский» правящий слой, который продуцирует войны как вовне, так и внутри в силу своей социальной природы. Если бы в Чечне у власти находились нормальные политические силы, разве

пришло бы кому-либо в голову нанимать здесь две-три тысячи вооруженных людей для похода на Дагестан, как то было осенью 1999 г.? Международному сообществу следовало бы ориентироваться на поддержку здоровых сил чеченского общества, чтобы они могли организовать и бороться за оздоровление ситуации в республике и вокруг нее.

Обстоятельная, развернутая статья А. Матвеевой (научного сотрудника Королевского института международных отношений в Лондоне) называется «Чечня на Северном Кавказе: насколько правило и насколько исключение?». Автор, в отличие от некоторых других западных исследователей, чьи труды представлены в данном сборнике, решила «показать, что при всей очевидной уникальности чеченского постсоветского развития, при том, что ни одна из северокавказских республик, во всяком случае пока, не пошла по стопам Чечни – не провозгласила независимости, не выиграла войну с Россией, не пережила всех ужасов такой войны и послевоенной разрухи, чеченское развитие все же является модификацией и вариантом общей северокавказской модели».

Своеобразно и свежо звучит определение, что чеченская независимость скорее «негативная», чем «позитивная». Особенность Северного Кавказа, по мысли автора, еще и в том, что не только Чечня обладает «негативной» независимостью от России. Внутренняя жизнь ряда горских республик так же, хотя и в меньшей мере, мало связана с Москвой. Определяя причину этого явления, А. Матвеева справедливо считает ее следствием упадка российского государства. Можно было бы назвать это не упадком, а деструкцией государственных институтов РФ.

А. Матвеева вводит в обращение термин «политизированный этнос» (что более характерно для Северного Кавказа, чем для других регионов России). Напомним, что еще в 1970-е – начале 1990-х годов в Чечне предпринимались различными силами серьезные усилия, направленные на «раскачивание» лодки, т.е. ведущие к политизации нации.

Небезынтересен предложенный автором анализ постсоветских элит горских народов. Действительно, чего-чего, а недостатка в лидерах всех уровней – от села до столицы – горские республики не испытывают. Можно сказать, здесь переизбыток лидеров. Кстати, Дудаев в свое время очень усердно пытался «подсесть» появлению в Чечне политических деятелей не только республиканского, но и городского и районного масштаба.

Автор рассмотрела развитие политических институтов в регионе и в краткой форме – политические процессы последних лет в каждой северокавказской республике. Результаты, конечно, неутешительные. Стало нормой, отмечает А. Матвеева, что избиратели отдадут, при прочих равных условиях, свои голоса тому кандидату, с кем они связаны этническими или клановыми узами. Партии и движения на Северном Кавказе также порой строятся по этническому или конфессиональному признаку.

Обращаясь к рассмотрению «прав человека», А. Матвеева пишет: «Чечня является единственной республикой, обладающей достаточными средствами принуждения для того, чтобы нарушать права человека в массовом и организованном порядке». В качестве примера можно привести массовую практику «шариатских судов», а также убийства по этническому признаку, массовые похищения людей и торговлю ими. Не говоря уже о запрете на профессии, ущемлении научного, светского образования в пользу псевдорелигиозного и т.д.

В разделе «Власть», при верной основной части, у А. Матвеевой есть несколько неточностей. Например, заявление, что «тейпы выступали в какой-то мере как боевые единицы и составляли систему общественной поддержки воюющих теми, кто непосредственно не участвовал в боевых действиях», совершенно не привязано к реалиям. Автор, видимо, отдала дань столь многочисленным сторонникам теории «родовой» Чечни.

Столь жесткий (и в общем-то односторонний) анализ ситуации в современных горских республиках Северного Кавказа, как показывает заключение статьи, понадобился А. Матвеевой для того, чтобы вывести следом за Чечней и весь Северный Кавказ за рамки цивилизованного развития и причислить народы и республики региона (ввиду наличия тяжелого груза проблем) к числу бесперспективных, годных, видимо, только на роль «пушечного мяса».

Что можно возразить автору? Разве что ограничиться указанием на то, что история собственно горских народов Северного Кавказа насчитывает по крайней мере 6 тыс. лет. Поживем – увидим. Умному достаточно!

Заключительная статья сборника принадлежит С. Шерматовой, известному обозревателю не менее известной газеты «Московские новости», решившей попробовать себя в научном жанре и написавшей статью «Так называемые ваххабиты». Ясное дело, если «ваххабиты», сиречь псевдонисламские фунда-

менталисты и сектанты-экстремисты, становятся вдруг «так называемыми», значит, в общий замысел сборника статья вписалась.

Только на последних страницах статьи автор несколько отошла от позитивистского взгляда на деятельность «так называемых ваххабитов» в Узбекистане, Таджикистане, Чечне и Дагестане и попыталась определить предмет разговора. Автор резко отделяет наших «ваххабитов» от ненаших – саудовских. В Средней Азии, говорит она, этим термином пользовались для определения исламских активистов обычного толка – это, мол, была обычная исламская оппозиция. Только в Дагестане исламский радикализм принял, якобы, форму, наиболее близкую к «зарубежным фундаменталистским течениям и резко прогивостоящую традиционному исламу».

Автор справедливо отмечает, что в условиях постсоветских стран не могли не возникнуть «различные течения за чистоту веры», но не говорит, что одно из таких движений – «ваххабизм» обязан своим активным проникновением в постсоветские страны и превращением в политическую силу прежде всего силе американского доллара. Те же «ваххабиты» в Чечне получали и получают деньги за вступление в секту, за несение военной службы, на свадьбу, похороны и т.д., поэтому в среде чеченских «ваххабитов» много выходцев из неблагополучных семей, людей с ограниченным образованием, сирот, полусирот, людей иноэтнического происхождения и т.д. Чеченские «ваххабиты» имели до последних дней не только свои военизированные структуры, но и систему дальней связи (с ретрансляторами) с Ближним Востоком. Они имеют свою субкультуру, свою одежду, свои мечети, своих проповедников. Их конечная цель – ни много ни мало взятие Иерусалима и мировая война с язычеством и христианством.

В заключение пора высказать несколько суждений как о прочитанном, так и о предмете исследования, поставленного во главу угла в статьях сборника.

Все, о чем было сказано в рецензируемом издании, требовало своего изучения. Но, на наш взгляд, с такой концентрацией негатива сборник являет собой политический и весьма плохой для Чечни и чеченского народа симптом. Большой части авторов свойствен тотальный отказ рассматривать реальные трудовые, управленческие, научные и подлинно религиозные слои чеченского общества. Изучению подвергаются, как правило, некие экстремы – как в истории, так и в культуре и в обществе. Менталитет (причем совершенно непонятый) становится мерилом всего и вся, в результате чего изображается совершенно нереальная картина социально-экономического и общественно-политического состояния чеченского общества. Частное, эпизодическое подается как главное, постоянное, решающее.

Вокруг чеченской проблемы уже сформировалось нечто вроде религиозного учения, требующего своего ниспровергателя. Несчастья чеченского народа мифологизируются и подаются как нечто положительное и славное. Можно подумать, что чеченский народ мечтал схватиться с Россией в двух войнах. Между тем эти войны противоречат национальным интересам чеченского народа, но зато вполне отвечают интересам некоторых стран и блоков, а также некоторых властных групп в России и в Чечне.

Очень убедительно «доказывается», что чеченцы неспособны построить дееспособное государство, но зато никак не умяются их возможности вести войну с одной из самых сильных военных держав мира. При этом теории и практику нескольких тысяч маргиналов и социально опасных людей распространяют на весь чеченский народ. В Чечне многих исследователей интересуют только криминальные новации и «социальное отребье». Современный чеченский народ как таковой не привлекает внимания.

Основная масса исследователей, рассматривавших процессы развития постсоветской Чечни, забывает или не знает одной истины. Чеченское общество было самым модернизированным на Северном Кавказе, если не в СССР. Самым легким на подъем, самым предприимчивым, самым энергичным и оборотистым в добывании средств на работе в промышленности, транспорте, торговле, в целом в экономике был именно чеченец. Чеченцы первыми пошли в бизнес, в рыночную экономику как таковую, именно они основывали первые кооперативы в стране, первые совместные с западными бизнесменами предприятия, создавали крупные банки и биржи. Да, в Чечне было много безработных, слишком высок в составе населения процент сельчан и молодежи, но в Чечне была и немалая бурно растущая предпринимательская среда. Движение Чечни и чеченцев по пути капиталистического предпринимательства сорвал осенний переворот 1991 г. Д. Дудаева, кстати, выдававшего себя за сторонника социализма и «госкапитализма».

Большинство авторов сборника, знаменующих своими исследованиями «чеченский симптом» в политологии, допускают еще одну и очень важную ошибку – они считают, что подвергнутое ими изучению и есть вся Чечня.

Между тем события в Чечне остаются совершенно «непрочитанными». Главные, основные вопросы «чеченской революции» и деструктивные процессы в Чечне читаются совершенно не в таких понятиях, как

«свобода», «суверенитет», «ислам», «независимость», «нация», «борьба за...» и т.д. Они читаются и раскрываются через термины «политика», «геополитика», «власть», «экстремизм», «деньги», «нефть», «война», «оружие» и т.д.

В заключение настоятельно рекомендуем заинтересованному читателю прочесть в продолжение темы интереснейшую статью В.А. Тишкова «Слова и образы в Чеченской войне» («Независимая газета». 10 декабря 2000 г., № 11).

Я.З. Ахмадов

© 2001 г., ЭО, № 6

А.Г. Булатова. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999. 286 с.

Выход в свет очередной монографии выдающегося ученого Ангары Гамидовны Булатовой, посвятившей всю свою жизнь этнографическому кавказоведению, несомненно заметное явление в отечественной науке.

В книге даны детальное описание и объективный анализ старинных календарей и календарных обычаев, обрядов, праздников у аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, агулов, рутульцев, цахуров, кумыков, ногойцев в XIX – начале XX в.

Календарно-праздничная культура народов Дагестана занимала особое место в сфере научных интересов автора. Различные аспекты этой темы освещаются во многих публикациях А.Г. Булатовой*.

Рецензируемая монография – плод самозабвенного труда автора, по крупицам собиравшего обширный фактический материал во время многолетних полевых наблюдений. Ценность сведений, представленных в работе, очевидна, поскольку календарные обычаи и обряды, составляющие «весомую часть культурного наследия» (с. 7), сегодня находятся на грани исчезновения.

Изучение народного календаря, особенно в связи с хозяйственной деятельностью, как справедливо подчеркивается во Введении, имеет большое значение для решения вопросов, связанных с этнокультурной историей народа.

Первая глава «Традиционные календари народов Дагестана», разделенная на 10 параграфов, рассказывает о различных способах исчисления времени и особенностях календарных систем, бытовавших в Дагестане в исследуемый период. Автор приходит к выводу о том, что лунно-солнечный календарь использовали в регионе с древнейших времен. Арабский лунный календарь был привнесен в Дагестан в период утверждения ислама. А.Г. Булатова отмечает, что знали его главным образом только служители культа, которые сообщали односельчанам о дне наступления соответствующих дат (с. 17). Тюркско-монгольский календарь двенадцатилетнего животного цикла бытовал у кумыков и ногойцев. Владевшие арабским языком его хорошо знали и умели в нем ориентироваться, но большинство населения разбиралось в нем значительно хуже. Причину слабого знакомства местных жителей как с тюркско-монгольским, так и с арабским календарями А.Г. Булатова видит в том, что они не имели практического значения в трудовой деятельности людей.

Кроме вышеупомянутых календарей автор обнаружила в горном Дагестане, в даргинском селении Мурчук пережитки весьма любопытной календарной системы, построенной на наблюдении за сменой звезд и созвездий на части видимой небесной сферы. Согласно этой системе, год равняется 365 суткам, отличаясь от истинного солнечного года лишь на 1/4 суток.

У ахвахцев в прошлом существовал календарь, в котором отдельные периоды года названы частями человеческого тела и параллельно им даны названия полевых работ или характеристика погоды; например, колено – девять дней, холодно; бедро – семь дней, период ветров, вывоз навоза на поля и т.д. Подобная система обнаружена исследователями только в некоторых областях Таджикистана. Вопрос о существовании какой-либо связи между ними остается открытым.

* См.: Список основных работ доктора исторических наук А.Г. Булатовой // Этнограф. обозрение. 1999. № 6. С. 150–152.